

Интервью
УДК 008
<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-2-34-169-175>

Музей — это путешествие во времени: интервью

Масуд Кимович Самибаев

Государственный музей-заповедник «Самарканд», Самарканд, Узбекистан
varagsari@gmail.com



Аннотация. 21 мая 2025 г. в Новой Третьяковке в рамках фестиваля Интермузей состоялась панельная дискуссия «Содружество музеев. Как единые ценности преломляются в многообразии культур стран СНГ», в которой принял участие директор Государственного музея-заповедника «Самарканд» Масуд Кимович Самибаев. Редакция журнала «Концепт: философия, религия, культура» предлагает читателем интервью с Масудом Кимовичем.

Для цитирования: Самибаев М. К. Музей — это путешествие во времени: интервью // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 2. — С. 169–175. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-2-34-169-175>

Interview

A Museum is a Journey Through Time: An Interview

Masud K. Samibayev

Samarkand State Museum-Reserve, Samarkand, Uzbekistan
varagsari@gmail.com

© Самибаев М. К., 2025

Abstract. On May 21, 2025, the New Tretyakov Gallery held a panel discussion titled *Commonwealth of Museums: How Common Values Are Refracted in the Diversity of Cultures of the CIS Countries* as part of the Intermuseum Festival. In an interview with one of the participants of the event, Masud Kimovich, the director of the Samarkand State Museum-Reserve, the role of museums in culture acquisition was discussed. Samarkand has held UNESCO World Heritage Site status since 2001. The Samarkand Museum-Reserve is a large institution whose history dates back to the second half of the 19th century, and today the museum-reserve includes 11 museums, 3 historical monuments, and 2 exhibition areas. Its museum collection is one of the greatest in Central Asia and is constantly expanding. Religious books in the museum's holdings provide valuable material for theological researchers. The treasures of Samarkand attract an increasing number of tourists, who visit the museum each year, especially during the spring and autumn high seasons. The majority of visitors are domestic tourists, many of whom come on pilgrimages to holy places and to visit significant architectural monuments of the city. Russian tourists are most numerous after local tourists, as of May 2025. Foreign tourists mostly come from neighboring countries, such as Russia, Kazakhstan, and Tajikistan and predominantly travel on their own, so the museum marketing team must work in the field to attract them. In contrast, tourists from distant countries often travel in groups, with their time and itinerary strictly limited. After the reconstruction of the Imam al-Bukhari mausoleum complex near Samarkand is completed, a new influx of pilgrims from Muslim countries is expected. Moreover, in recent years, Samarkand has become an international venue for receiving foreign guests of the highest rank. This is a demanding and important task, but Samarkand possesses all the necessary infrastructure and experience. Modern times force museum employees to constantly seek to improve their knowledge and be more creative.

For citation: Samibayev, M. K. (2025) 'Museum is a Journey through Time: Interview, *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 9(2), pp. -. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-2-34->

Масуд Кимович, тема нашего номера «Путешествие как форма постижения культуры», и это путешествие может быть как в пространстве, так и во времени. Музеи и объекты культурного наследия как раз и дают возможность путешествия во времени. В своём выступлении вы упомянули выставку, которая проходит сейчас в Новой Третьяковке «Путь на Восток. Русские художники в Центральной Азии». Как вы думаете, можно ли считать её путешествием по Туркестану 1920–1940-ых гг.?

Идея этой выставки — показать посетителям частичку Востока, увиденного глазами русских художников авангардистов и импрессионистов, чьё наследие на родине во многом утрачено. Такие посвящённые Востоку выставки нам очень помогают для продвижения нашей туристической

отрасли. Из года в год наблюдается рост туристов из стран, в которых проходили выставки из музеев Узбекистана.

Если вернуться к выставке, и непосредственно картине «Девушка-хивинка» Павла Бенькова. В путешествиях встреча с чем-то своим, родным, всегда приятна и запоминается. Или дело в профессиональной деформации, связанной с тем, что около 70% работ Бенькова хранятся в Самарканде?

Меня не удивила встреча с творением П. Бенькова на этой выставке, просто ирония судьбы, что две противоположности висят рядом¹. Ведь основная причина переезда Павла Бенькова из Казани в Узбекистан была обусловлена не восприятием им авангардистского направления в живописи, а многочисленными конфликтами, возникавшими на этой почве. Эстетически

Выставка в Новой Третьяковке «Путь на Восток. Русские художники в Центральной Азии» посвящена преимущественно туркестанскому авангарду, но в ракурсе кураторов истоки и мотивы движения художников в Среднюю Азию в 1920-1940-ых гг.

его работы я воспринимаю очень близко к сердцу, его не даром называют «солнечным Беньковым»... Может быть вы правы, и в этом есть доля «профессиональной деформации»: мы постоянно работаем с его картинами, и кстати, к его юбилею, в начале 2024 г., мы организовали выставку «П. Беньков и его ученики», провели конференцию и презентацию нескольких книг о нём. Выставка открыта да сих пор, и она пользуется огромной популярностью.

Перейдем от путешествий к массовому туризму. Самарканд с 2001 г. обладает статусом объекта всемирного наследия ЮНЕСКО. Возглавляемый вами музей-заповедник «Самарканд» — крупная институция, история которой ведется со второй половины XIX в., а на сегодняшний день в состав музея-заповедника входит 11 музеев, 3 исторических памятников и 2 выставочных площадки. Антропогенная нагрузка должна быть достаточна сильная. Как вы справляетесь с туристическими потоками?

Да, мы в Самарканде являемся одной из основных организацией, принимающей основной поток туристов. Чтобы охватить всю картину работы с туристическими потоками, необходимо кратко остановиться на специфике туризма в нашей стране. Туристический сезон у нас делится на две части: весна/осень и лето/зима. Это обусловлено климатическими особенностями нашего края, туристический поток резко уменьшается в летние и зимние месяцы. Правда тут имеется исключение, на новогодние каникулы поток немного увеличивается за счёт российских туристов. Однако большинство посетителей — это внутренние туристы, основной поток которых направлен на паломничество по святым местам и посещение значительных архитектурных памятников города. Здесь я хочу подчеркнуть, что в последние годы правительством нашей страны принят ряд законов, дающих

разные экономические предпочтения бизнесу, который занимается в основном внутренним туризмом, и это действительно начало приносить результаты.

Туристы из-за рубежа также делятся на несколько категорий. Туристы из стран ближнего зарубежья, — таких, как Россия, Казахстан и Таджикистан, — занимают самые высокие строчки по посещению наших объектов: к примеру, российские туристы в мае заняли 2 место после местных туристов. Специфика этой категории туристов в том, что они в основном приезжают к нам самостоятельно, не прибегая к помощи туристических агентств, что заставляет наших маркетологов работать, как говорится, прямо в поле, рекламировать наши культурные продукты на месте. Постоянный мониторинг русскоговорящего контента, связанного с посещением нашего города, позволяет нам своевременно реагировать на возникающий спрос.

Ситуация с туристами из дальнего зарубежья ровно противоположная. Группы со строго ограниченным временем и объектами посещения. В нашем случае они ограничиваются 4-5 нашими музеями и архитектурными памятниками.

В музее Афрасиаба² представлена фреска, на которой — кажется — целая стена из всей композиции посвящена визиту высокой китайской делегации. Скажите, а сегодня много у Вас туристов из Китая?

Сейчас есть несколько прямых рейсов из китайских городов в Самарканд, что позволило увеличить объём туристов из Китая. Если опять же посмотреть на статистику посещения туристов наших объектов в мае, то мы увидим, что Китай занимает 8 место, между Великобританией и США.

Как вообще распределяются туристические потоки в Самарканде? Появились ли какие-то новые страны, представители которых интересуются культурным наследием Узбекистана?

² Афрасиаб — современное название древнего города, который был разрушен в ходе завоевательного похода Чингисхана в XIII в. Современный Самарканд находится немного южнее этого памятника архитектуры. Раскопки на месте древнего городища начались в 1870-е гг.

Мы готовимся к новому потоку паломников из мусульманских стран, который намечается после завершения реконструкции комплекса мавзолея Имама аль-Бухари неподалёку от Самарканда. Имам Исмаил аль-Бухари — исламский учёный-богослов, автор одного из канонических сборников суннитских преданий о пророке Мухаммаде «аль-Джами ас-Сахих». В исламском мире по почитанию он стоит сразу же после пророка. Естественно, интерес к этому месту огромен; есть проект, по которому, поток паломников из Центральной и Юга-Восточной Азии, направляющийся в Мекку, пройдёт через Самарканд.

Интересуются ли музеем политики? В наши дни во время встреч высокого уровня — посещают и вас, и другие музеи Самарканда представители высоких делегаций?

Последние годы Самарканд превратился в международную площадку по приёму иностранных гостей самого высокого ранга. Раньше официальная часть этих визитов проводилось в Ташкенте, а культурная часть в Самарканде или Бухаре. Сейчас почти все официальные визиты проходят у нас. Для этого создана вся инфраструктура по приёму гостей такого ранга. Естественно, они все посещают наши архитектурные памятники и музеи. За это время у нас накопилось достаточно опыта по приёму высоких гостей. Это очень сложная и ответственная задача, но мы как-то справляемся.

Самарканд — город, где тысячелетиями пересекались различные культуры. История музей-заповедника «Самарканд» насчитывает почти полтора века: ещё в 1874 г. в городе был открыт любительский музей. Кем были энтузиасты, стоявшие у истоков современного музея?

Одна из самых больших музейных коллекций в Средней Азии хранится в фондах нашего музея. Коллекция начала создаваться в 1874–1896 гг. в музее при канцелярии Зеравшанского округа Туркестанского губернаторства. Основа этой коллекции создавалась в период руководства Зеравшанским округом генералом А. К. Абрамовым. Активное участие в этом процессе принимал чиновник по особым поручениям М. Н. Ростиславов,

опиравшийся на помощь местных любителей старины; Мирза Абдурахман, Мирза Абдулло Бухари, Абу Саид Махсум и другие. Их стараниями 21 июня 1896 г. в Самарканде официально открылся музей для публичного показа этих коллекций. Так что в 2026 г. у нас круглая дата — 130 лет образования Самаркандского музея. За этот период накопилась огромная коллекция уникальнейших экспонатов, раскрывающая многотысячелетнюю историю культуры всей Средней Азии, — так как с самого начала экспонаты нашей коллекции формировались с охватом всей этой территории.

По какому принципу вы «актуализируете» экспозицию и наоборот — убираете артефакты в хранилище? Что сейчас оказалось в хранилище — назовите пожалуйста наиболее интересные и перспективные с вашей точки зрения вещи.

По независимой от нас обстоятельствам, центральный музей — Государственный музей истории культуры Узбекистана, на сегодняшний день располагается в здании, которое не отвечает всем музейным критериям. У нас в фондах хранятся более 430 000 единиц музейных предметов. Вот почему мне сложно ответить на ваш вопрос. Они все уникальны! В данное время ведётся проработка вопроса о строительстве в исторической части города сразу двух музейных помещений. Мы надеемся, что строительные работы начнутся в ближайшее время, и наши экспонаты займут своё — достойное — место в новых музейных пространствах.

Какие наиболее интересные приобретения сделал ваш музей за последнее время? Есть ли среди вещей, пополнивших коллекцию, предметы, раскрывающие взаимодействие русской и узбекской культур?

Ровно 3 года назад правительством Узбекистана был принят указ о развитии музейного дела в нашей стране. В этом документе отдельной строкой был прописан пункт, согласно которому каждый год из областного бюджета каждому музею должны выделяться средства (порядка 40 000 \$ США) на приобретение у населения как антиквариата, так художественных предметов, сделанных современными ремесленниками. За это время нами приобретено огромное

количество археологического материала. Раньше мы многие годы могли вести переговоры о приобретении уникальных предметов с некоторыми коллекционерами, но мало что у нас получалось в плане приобретения. Сейчас у нас очень хорошая возможность восполнить упущенное.

Что касается второй части вопроса, у нас есть выставочная площадка, которая называется «Дружба народов и религиозной толерантности». Эта выставка была создана непосредственно при помощи всех национальных культурных и религиозных центров, размещённых в Самарканде. Там представлена в том числе замечательная коллекция русской культуры, которую нам подарили.

В Узбекистане хранится одна из святынь ислама — Коран Усмана. Скажите, сталкивается ли музейное сообщество вашей страны с трудностями в процессе хранения артефактов, связанных с культурными предметами? Имеют ли верующие доступ к тому, чтобы использовать их по прямому культовому назначению (например, имеют ли они возможность читать древние рукописи) — или же к этим предметам нет доступа?

Если соблюсти все регламентные документы, открывающие доступ к предметам из фонда, в данном случае, к рукописному фонду, то у нас нет препятствий к изучению религиозных текстов. Но к ним допускаются только специалисты. Или мы предоставляем некоторые книги для демонстрации во время различных конференции. Музейные правила не предусматривают прямой доступ к предметам из фонда.

Помимо посетителей в музеях есть ещё сотрудники и исследователи. На пленарном заседании Интермузея ректор Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина Семён Ильич Михайловский озвучил традиционное для музейного сообщества мнение, что музей — это храм, он для избранных, а не для всех. И зал поддержал его аплодисментами, соглашаясь, что постоянная фигура в музее — это хранитель: как бы не менялась внешняя среда, он остаётся. К хранителям ещё научных работников можно добавить. Как вы относитесь к этой точке зрения?

Семён Ильич продолжил нарратив, который высказал раньше генеральный директор Государственного музея Эрмитаж Михаил Борисович Пиотровский. Смысл сказанного звучал приблизительно так: культурное наследие, в отличие от простого наследия, нам в руки дано народом, и мы не имеем право его потратить, проиграть или пропить, наше дело его сохранить, изучить и приумножать. Наша миссия и состоит именно в этом.

Я скажу больше: работая много лет в музее, мы сами становимся немного консервативны. Никто из нас не застрахован от прихода в руководство далёких от музейного мира управленцев, или вышестоящих чиновников от культуры, и в этом случае на острие выходят именно хранители фондов и срabатывает жёсткий регламент ведения музейного дела.

Продолжая тему кадров. Вы отметили в своём выступлении, что кадры — это сложный вопрос, особенно когда речь идёт о молодых специалистах. С одной стороны, открываются образовательные программы по музееведению, но нередко основные предметы этих программ преподают не практикующие специалисты, а люди, далёкие от музейного дела. С другой стороны, остро стоит проблема оплаты труда. На ваш взгляд: эта тенденция складывалась постепенно или такая ситуация явилась следствием пандемии?

Да, действительно в последние время наш Президент и правительство реально сделали очень много для сохранения культурного наследия, и впереди у нас намечаются большие культурные проекты по всему Узбекистану. Но с самого начала было понятно, что без квалифицированных кадров реализация этих проектов будет трудновыполнима. Обучение и подготовка хороших кадров — дело трудоёмкое, к тому же — затратное, как для учебных заведений, так и для тех, кто решил ему обучаться. На выходе — очень маленькая музейная зарплата, годы медленного карьерного роста. Для современной молодёжи — не слишком привлекательный проект, правда? Не секрет, что большинство уходит в коммерческие отрасли... В то же время, правительство страны специальным указом

в 2025 г. повысило зарплату работников библиотек и музеев на 35 % с надбавками по результатам их КПИ; также музейные работники, имеющие учёные степени, имеют надбавки к зарплатам от 100 до 130 %. Думаю, это может послужить хорошим стимулом улучшения работы с кадрами отрасли, в том числе привлечь большее количество квалифицированных специалистов.

Какие качества, по-вашему, нужны современному музейному специалисту? Есть ли что-то, что отличает музейных работников именно Узбекистана? Самарканда?

Современность (новые технологии, новые кураторские оптики, новые методы организации музейного пространства и т.д.) заставляет сотрудников музеев быть в постоянном поиске, совершенствовать свои знания, быть более креативными.

Я думаю, что если не учитывать специфику каждой страны, то большой разницы между музейными специалистами не существуют. Все наши встречи на различных конференциях и форумах, как и коллаборации по проектам, показывают: у нас всех одна цель, и мы все находимся на одной волне.

Масуд Кимович, в вашей профессиональной биографии был период, проведённый в Санкт-Петербурге. С 1988 по 1994 гг. вы были стажёром-исследователем Отдела Востока Государственного Эрмитажа и учились в аспирантуре Института истории материальной культуры Российской Академии Наук. Вы защитили кандидатскую диссертацию «Проблемы культурной истории Согда в V–VIII вв. (по материалам храма-крепости Джартепа II) — именно вы ввели в научный оборот этот памятник, который ранее не был известен. Расскажите пожалуйста историю вашего открытия.

Я благодарен судьбе за то, что родился в большой семье учёных (мой отец был историком), и мои жизненные приоритеты были сформированный в научно-творческой среде. Также судьба свела меня с моим учителем, Борисом Ильичем Маршаком

— профессором, заведующим сектором Средней Азии и Кавказа, Отдела Востока Государственного Эрмитажа, выдающимся специалистом по истории Востока. Именно он помог мне осознать себя в качестве учёного-археолога. Есть и другая сторона вопроса — интерес государства к исторической науке. Так, в рамках изучения округа Самарканда в 1986 г. был создан Ургутский археологический отряд Института археологии АН РУз, благодаря чему в течение 20 лет в этом регионе было изучено и открыто много интереснейших археологических памятников. Стационарным объектом этого отряда был согдийский зороастрийский храм — Джартепа II. Проблемы исследования доисламских культов и религии, заключается в том, что мы почти не имеем письменных источников, которые бы свидетельствовали о конкретных религиозных обрядах, связанных с ними философских учениях и т.д. И только изучение материальной культуры позволяет нам заполнить прорехи в наших знаниях о доисламском периоде истории нашего края. Кроме того, нашим отрядом в предгорной территории был обнаружен и открыт храм христиан несторианского толка (Восточная церковь), который датируется IX–XI вв. В 1990 г. был заложен стационарный раскоп на уникальном памятнике Кафыр-Кала под Самаркандом, который являлся загородной резиденцией Согдийских князей (раскопки ведутся здесь по сей день). 2023 г. все эти памятники вошли в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО в номинации «Зеравшанский-Каракумский коридор».

Спасибо, уважаемый Масуд Кимович! Мы очень надеемся, что путешествия во времени и пространстве, которые стали возможны благодаря вашему музею, будут развиваться, поддерживая крепкие и долгосрочные связи между представителями разных культур, объединёнными любовью к их истории и работающим на благо их настоящего и будущего.

Информация об авторе

Масуд Кимович Самибаев — кандидат исторических наук, директор Государственного музея-заповедника «Самарканд». 104101, Самарканд, улица Мирзо Улугбека, 148 (Узбекистан)

Information about the author

Masud K. Samibayev — PhD in History, General Director, Samarkand State Museum-Reserve, 148, Mirzo Ulugbek st., Samarkand, Uzbekistan, 104101 (Uzbekistan)